

Александр Авдеев

Крест преподобного Савватия Соловецкого:

ответ оппонентам

В 2006 г. в альманахе «Соловецкое море» была опубликована статья В.А. Бурова, посвященная кресту прп. Савватия Соловецкого¹. К безусловным достоинствам статьи следует отнести аргументированное рассмотрение «биографии» памятника от первых упоминаний в монастырских описях XVII в. до наших дней. Однако анализ надписей на кресте, представленный в этой работе, нам представляется неверным. В данном случае автор доверился Е.В. Крушельницкой и Т.Б. Карбасовой, прочитавшим надпись на лицевой стороне креста как «Крест Савватия чудотворца моленный», на оборотной — «Лет(а) 7064-ГО»; «ВЗЫСКАНИЕМ И ПОТРУЖЕНИЕМ С(ВЯ)Т(А)ГО ИГУМЕНА ФИЛИППА». Именно чтение последней надписи привело исследователя к выводу, что «надпись о святом Филиппе с указанной датой не могла появиться ранее 1590 г. ...на основе припоминания о том, что произошло десятилетия назад, в 1555/1556 г.»².

В 2009 г. на страницах того же альманаха развернулась дискуссия о смысле надписи на этом кресте. С полемическими замечками по поводу опубликованной в этом сборнике моей статьи³ выступили Д.М. Володихин⁴ и В.А. Буров⁵.

Напомню вкратце содержание надписи. Визуальное знакомство с крестом прп. Савватия в 2007 г. позволило мне прийти к заключению, что надписи на нем были прочитаны неверно, и, следовательно, выводы о времени создания креста и надписей на нем должны быть кардинально пересмотрены.

Надпись в нижней части вертикальной перекладины лицевой стороны креста выполнена в технике обронной резьбы (Илл. 1, 3). Она расположена в нижней части креста в две строки (высота строк 3 см, расстояние между строками 1 см; лигатуры: стк. 2 — **ЧЮ, ДО** и **ВО, АН** и **ЛН** в словосочетании «**ЧЮТВОРЦА НАЛНОИ**»); отметим также пропуск буквы **А** в слове «**НАЛНОИ**») и гласит:

КРЪТЪ САВАТІА
ЧЮТВОРЦА НАЛНОИ

Таким образом, надпись позиционирует крест не как «келейный» (что было прочитано Е.В. Крушельницкой и Т.Б. Карбасовой), но именно как крест «начальный», с которого началось иноческое делание в Соловецком монастыре. Об этом кресте, который «**КЪ... ПОСТАВЛЕНЪ БЛИЗЪ КЕЛІА**» прп. Савватия у подножия Секирной горы, упоминается во всех выделенных С.В. Минеевой редакциях Жития прп. Зосимы и Савватия Соловецких⁶.

¹ Буров В. Путешествие каменного «келейного креста» преподобного Савватия // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 5. Архангельск; М., 2006. С. 66–70.

² Буров В. Путешествие... С. 67.

³ Авдеев А.Г. Еще раз о кресте преподобного Савватия Соловецкого // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 8. Архангельск; М., 2009. С. 58–62.

⁴ Володихин Д. Могильный крест преподобного Савватия Соловецкого // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Вып. 8. С. 63–64.

⁵ Буров В. Крест преподобного Савватия: Новые трактовки // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Вып. 8. С. 65–66.

⁶ Минеева С.В. Рукописная традиция Жития прп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. II. Тексты. С. 13 (Первоначальная редакция), 92 (I Стилистическая редакция), 154 (I Дополненная редакция), 205 (II Дополненная редакция), 239 (III Дополненная редакция), 265 (I Сокращенная редакция), 285 (II Сокращенная редакция), 306 (I Краткая редакция), 325 (II Краткая редакция), 348 (III Краткая редакция), 375 (IV Краткая редакция).

Илл. 1. Крест прп. Савватия Соловецкого. Лицевая сторона

Илл. 2. Крест прп. Савватия Соловецкого. Обратная сторона

На оборотной стороне Савватиева креста (Илл. 2, 4) находится врезная надпись в две строки. Первая строка выполнена в верхней части вертикальной перекладины. Высота букв — 4–4,5 см, лигатура **лѣт** в слове «**лѣт**»:

лѣт ꙗꙗа го

Вторая надпись размещена на горизонтальной перекладине креста. Высота букв 2,7 см, лигатуры: **ан** в слове «**взысканіе**», **тр** и **ні** в слове «**потрѣженіе**». Вензельные написания букв: в слове «**нгѣмена**» буква **ѣ** вписана между вертикальными мачтами буквы **м**. Оформление окончаний слов с помощью выносных букв: «**взысканіе**», «**потрѣженіе**». Имя «**лѣппа**» в надписи вырезано в соответствии с греческим написанием этого слова (Φιλίππος), однако с аллографическим написанием «**фиты**» вместо «**ферта**». Последний случай, видимо, можно признать «скрытым» или «гипер» грецизмом, так как в церковнославянском и древнерусском языках этими буквами передавался один и тот же звук, но «**фита**» писалась в словах греческого происхождения, где имелась этимологическая «**тхета**» (Θ).

взысканіе и **потрѣженіе** ѿ **нгѣмена** **лѣппа**

Чтение предлога «**ѿ**», ясно видимого в надписи, как «**С(ВЯ)Т(А)ГО**», предложенное Е.В. Крушельницкой и Т.Б. Карбасовой, и привело В.А. Бурова к ошибочному мнению о создании надписи в 1590 г., после канонизации свт. Филиппа.

1. Палеография памятника

Одним из справедливых упреков уважаемых оппонентов следует признать слабый палеографический анализ надписи на лицевой стороне креста, которая дает решающий аргумент для определения времени изготовления креста. Здесь действительно имеются определенные трудности, так как палеография памятников древнерусской лапидарной эпиграфики еще слабо разработана, и аналогии с современными им надписями на датированных памятниках прикладного искусства не всегда выглядят убедительными в силу различия в технике исполнения. Тем более шрифт лапидарных надписей XV – начала XVIII вв. (эпиграфический полуустав) по ряду признаков тяготеет к рукописному и печатному полууставу XV–XVII вв. (также малоисследованному) и вместе с тем наследует некоторые признаки рукописной скорописи. В целом шрифт надписи характерен для второй половины XV в. Однако палеографические начертания отдельных букв (**И** с диагональной перекладиной в верхней части, одномачтовое **Т**) по сравнению с рукописным полууставом, со второй четверти XV в. оказавшимся

под сильным югославянским влиянием⁷, свидетельствуют скорее о тенденции почерка резчика надписи к архаизации начертаний. Тем не менее ряд неоспоримых палеографических аналогий с надписью на лицевой стороне креста мы найдем в надписях на древнерусских памятниках прикладного искусства, датируемых 1463–1479 гг.⁸ Отметим наиболее важные из них. Ц с удлинненной правой мачтой, очень характерная для эпитафических памятников указанного хронологического диапазона, находит аналогии в надписи на волоколамской планице 1466 г. и в надписях на двух памятниках, датируемых 1479 г., — потире вологодского князя Андрея Меньшого и водосвятной чаше Ивана III⁹. Для асимметричного Ч, появляющегося в эпитафических памятниках, начиная со второй трети XV в., почти полную аналогию дает блюдо Андрея Волоколамского (1479 г.)¹⁰. Однако аналогии начертаниям букв в надписи можно найти и в эпитафических памятниках, датированных 1485–1501 гг. Так, Ж с высокой петлей треугольной формы имеется в надписи на печати Семена Карпова (вторая четверть XV в.) и Семена Мартинова сына, датируемой по палеографическим признакам серединой – второй половиной XV в.¹¹ Палеографические особенности начертания буквы Я, которая в надписи на лицевой стороне Савватиева креста встречается в трех разновидностях — с перевязью в центре, в виде «орифламмы» и с округлой петлей, находят аналогии не только в надписях на уже упоминавшихся потире князя Андрея Меньшого и водосвятной чаше Ивана III, но и в более поздних надписях. То же самое можно сказать о начертаниях букв Ё с округлой верхней петлей и треугольной нижней, Н с горизонтальной перекладиной в центре, Р с небольшой круглой верхней петлей, Г лунарной формы с удлинненным нижним язычком, которые встречаются в эпитафических памятниках в широком временном диапазоне. Все это позволяет отнести надпись на лицевой стороне креста к последней трети XV в., то есть ко времени после 1465 г. — перенесения мощей прп. Савватия на Соловки.

⁷ Щепкин В.Н. Русская палеография. М., 1967. С. 129, 130.

⁸ Николаева Т.В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. // САИ. Вып. Е1-49. М., 1971. С. 192–193. Табл. 81.

⁹ Там же. № 44, 72, 92.

¹⁰ Там же. № 91.

¹¹ Станюкович А.К., Авдеев А.Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII вв. из частных собраний. М., 2007. С. 66. Табл. II, 10; С. 69. Табл. V, 24; С. 99–100, 111.

Илл. 3. Крест прп. Савватия Соловецкого. Лицевая сторона. Надпись в нижней части креста

Илл. 4. Крест прп. Савватия Соловецкого. Обратная сторона. Датирующая надпись в верхней части креста

Илл. 5. Крест прп. Савватия Соловецкого. Обратная сторона. Надпись на горизонтальной перекладине креста

Эту датировку подтверждает и наличие в стк. 1 лексического сербизма — окончание «*ia*» в слове «*саватiа*», характерное для памятников книжности Руси второй половины XV в.

Палеографические особенности, видимо, свидетельствуют о том, что данная надпись была вырезана *раньше* надписи на оборотной стороне креста, спустя примерно 50–60 лет после преставления прп. Савватия (27 сентября 1435 г.). В качестве дополнительного аргумента можно привести то, что в надписи подвижник именуется «чюдотворцем» — а это, видимо, свидетельствует о его пока еще местном почитании: общерусская канонизация прп. Зосимы и Савватия Соловецких состоялась на Соборе 1547 г. Можно предположить, что «начальный» деревянный крест был заменен на белокаменный либо еще при жизни прп. Савватия, либо мнение В.А. Бурова о более позднем происхождении креста действительно верно, и в таком случае мемориализация святых произошла спустя несколько десятилетий

Илл. 6. Строительная надпись 1562/1563 гг.
из Богоявленского собора
Богоявленско-Анастасиного монастыря в Костроме

после преставления подвижника с заменой обветшавшего деревянного креста на вырезанный в его «меру и подобие» белокаменный. Последнее с учетом датировки надписи в нижней части лицевой стороны креста представляется наиболее верным.

Что же до надписи на оборотной стороне креста, выполненной другим мастером, то, как было отмечено в моей статье, практически полную аналогию ей дает строительная надпись 1562/1563 гг. из Богоявленского собора Богоявленско-Анастасиного монастыря в Костроме (Илл. 6)¹², и у нас нет никаких сомнений в том, что дата надписи на оборотной стороне Савватиева креста аутентична времени игуменства свт. Филиппа, точнее, 1555/1556 гг. Таким образом, палеографические особенности надписи на оборотной стороне креста опровергают

¹² Фото: Зонтиков Н.А. Костромской Богоявленско-Анастасиин монастырь // Костромской Богоявленско-Анастасиин монастырь (1426–2001). К 575-летию основания и 10-летию возрождения. Кострома, 2001. С. 12.

утверждение В.А. Бурова о том, что она могла появиться «в конце XVI или в начале XVII в., когда резко возрос интерес ко всему, что связано с именем Филиппа»¹³.

2. Крест молельный? могилной? начальной?

Мое прочтение надписи на лицевой стороне креста вызвало полное неприятие у Д.М. Володихина, который настаивал на чтении надписи как «Крестъ Саватіа чюдот(во)рца мо(г)ілноі». Его точку зрения поддержал и В.А. Буров.

В обоснование своего прочтения надписи Д.М. Володихин выдвинул следующие палеографические наблюдения: «над словом „мо(г)ілноі“ стоит знак сокращения — сокращена буква „г“. Под этим знаком видна крупная точка над „і“... Сама литера „і“ совмещена со второй (правой) вертикальной линией литеры „м“. Далее следует совершенно отчетливый конец слова, буквосочетание „лноі“». Продолжая палеографическую контраргументацию, исследователь пишет: «Начальная буква непонятного слова... „м“. К первой (левой) вертикальной линии добавлена петелька, которая составляет вместе с ней литеру „а“ — последнюю в слове „чюдот(во)рца“. Что же касается двух изогнутых наклонных линий в середине буквы „м“, то они, на мой взгляд, встречаясь, продолжают дальше и описывают круг. Эта петля образует под буквой „м“ еще одну литеру — „о“»¹⁴.

С сожалением вынужден отметить, что данный анализ основан не на визуальном знакомстве с «сомнительной» надписью (главная заповедь эпитафиста!), а сделан по фотографии. Иначе трудно объяснить «превращение» случайной царапины над окончанием слова «**ЧЮТ**» в замысловатую «петельку», составляющую, как полагает Д.М. Володихин, сложную лигатуру «**ЛМО**». Тем более что первые буквы «непонятного» слова более чем ясно читаются как «**НА**», при этом буква «**Н**» составляет типичнейшую для эпитафических памятников лигатуру «**АН**» с последней буквой предыдущего слова.

Далее. Опыт работы с памятниками эпитафистики показывает, что наиболее верной оказывается реконструкция, требующая минимального количества сложных построений (надпись прежде всего предназначена для визуального восприятия и должна быть понятной без труда). А палеографическая терминология, взятая на «вооружение» Д.М. Володихиным, делает его анализ громоздким

¹³ Буров В. Путешествие... С. 67.

¹⁴ Володихин Д. Могильный крест... С. 63.

и малопонятным и тем более не объясняет, почему вторая буква в предложенном им слове «моги́льной» в надписи ясно читается как «л». Однако описанное им титло над буквой «і» с крупной точкой в том виде, в каком оно встречается на кресте, палеографически невероятно. Если принять чтение Д.М. Володихина, то речь может идти о глаголь-титле, хотя ясно читаемое даже на фотографии начало второго слова второй строки («**на**») позволяет все же видеть здесь червь-титло.

Собственно говоря, на констатации этого факта можно было бы поставить точку в дискуссии и остановиться на единственно возможном чтении «начальной». Однако необходимо рассмотреть мнение оппонентов с филологической и историко-культурной точек зрения.

Вначале посмотрим, насколько филологически вероятно чтение фразы как «крест моги́льной». Здесь Д.М. Володихину не удалось избежать некоторой модернизации, так как данный фразеологизм более характерен для поэтов, чье творчество падает на вторую треть XIX – начало XXI вв. и несет далекую от христианства семантическую нагрузку, связанную с «романтическим зарядом» смерти, забвения, одиночества¹⁵. Начнем с того, что логичнее всего было бы ожидать чтение «намоги́льной». Однако в памятниках древнерусской книжности XI–XIV вв. мы вообще не найдем ни прилагательного «моги́льной», ни «намоги́льной». В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» зафиксировано существительное «могы́ла» (производное от которого может звучать как «могы́льной») в значении «моги́льный холм, моги́ла»¹⁶. В значении «место захоронения», «яма для погребения мертвеца» это слово в форме «могы́ла» встречается уже в памятниках XVI–XVII вв. (наиболее раннее согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.» употребление — 1567 г.)¹⁷.

¹⁵ «Не дух ли горнего селенья, // На крест моги́льный в забытти // Облокотившись и сия // Меланхолической красой, // Предстал в молчаньи предо мной?» (А. Баратынский); «Когда спадут листья, и ты пойдешь // Искать на кладбище мой крест моги́льный, // В укромном ты углу его найдешь // И всход цветов вокруг него обильный» (К.Р.); «Отражают лунный свет кресты моги́льные, // Имена с надгробий золотом блестят» (С. Есенин); «И когда я умру, и сырая земля // Мое брненное тело поглотит, // Крест моги́льный останется после меня, // Позабывтый и одинокий» (А. Кайгородов // <http://www.andra.ru/?poezia.178>); «Моги́льный крест без надписи, без имени // Стоит и держит на плечах молчанье, тишину, забытость // Того, кто жизнь свою отдал за мир и справедливость» ([zists // http://zists.livejournal.com/263.html](http://zists.livejournal.com/263.html)); «Итог страданий — сердца плач... // На крест моги́льный, как палач, // Сел ворон, смотрит свысока» (Ю.Н. Колодный // <http://kultura.kubangov.ru/html/kula-6ytb64.html>) и т.д.

¹⁶ СлДРЯ XI–XIV вв. М., 1991. Вып. 4. С. 555. S.v. Могы́ла.

¹⁷ СлРЯ XI–XVII вв. М., 1982. Вып. 9. С. 229. S.v. Могы́ла.

Фразеологизм же «моги́льный крест», равно как и «намоги́льной», древнерусской книжности неизвестен¹⁸. Не фиксирует фразеологизм «моги́льный крест» и словарь В.И. Даля¹⁹. Характерно, что в юридических документах второй половины XVII в. признаком кладбища, находившегося близ населенных пунктов, является не находившийся рядом с ним придорожный крест, а «камень моги́льный»²⁰. И это не удивительно. С одной стороны, каменные «намоги́льные» кресты были распространены в достаточно узком регионе — Северо-Западе Руси — и охватывали Новгородскую и Псковскую земли. С другой стороны, для обозначения места погребения почитаемых подвижников употреблялся термин «**гробь**». При этом термином «гробь» обозначалось и место погребения, и погребальное надмоги́льное сооружение (рака). В этом отношении очень показательны «Житие прп. Адриана и Ферапонта Монзенских», составленное около 1634 г., где термин «гроб» выступает и как обозначение места погребения, гробницы, и как собственно гроба подвижника: «В четьредесятыи же день по преставлении преподобнаго Ферапонта прииде священноинок Андреян и вся братия... на гроб преподобнаго, хотяше совершити понахидную службу о нем...», а также: «И, пришед... открывше помост церковный и повелеша копати над гробом преподобнаго и обретоша гроб преподобнаго, стояше равно з землею»²¹. Неизвестна фраза «крест намоги́льной» и на сохранившихся белокаменных надгробных крестах XV–XVII вв. Для них типичны формулы «Поставлен сей крест на рабе Божьем...» или «Вознесен сей крест на рабе Божьем...»²².

По мнению В.А. Бурова, поддержавшего чтение Д.М. Володихина, крест относится к типу намоги́льных и первоначально был установлен на могиле прп. Савватия²³. Надписи на лицевой стороне креста показывают, что отчасти это утверждение верно, так как на всех безымянных намоги́льных крестах конца XIV–XVI вв. из Псковской земли — региона наибольшей концентрации памятников данного типа — имеются

¹⁸ Там же. S.v. Моги́льный.

¹⁹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 190–191, 337.

²⁰ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 9. С. 230.

²¹ ОР ГИМ. Собрание А.С. Уварова. № 415. Л. 118 об., 119, 147.

²² Напр.: Святославский А.В., Тропин А.А. Крест в русской культуре: Очерк русской монументальной ставрографии. М., 2000. С. 74–75; Артемьев А.Р. Города Псковской земли в XIII–XV вв. Владивосток, 1999. С. 23 («Лета 7000 миром поставлен крест на рабе Божии на Степане»), 109 («Вознесен бысть крест на рабе Божьи Вороньико»).

²³ Буров В. Путешествие... С. 67.

Илл. 7. Прп. Савватий Тверской в молении у креста.
Тверская школа иконописи. Икона вт. пол. XVI в.
Собрание ЦМИАР

изображения Голгофского Креста в окружении традиционных контрактур «Ц(а)рь Сл(а)вы И(су)сь Х(ристо)сь» и слова «НИКА»²⁴, которые изображены и на современном им Савватиеве кресте. Принадлежность их на Савватиевом кресте тому же резчику, что выполнил надпись в нижней части креста (что особенно заметно по начертаниям букв Р и Ѡ), сомнений не вызывает. Однако данная аналогия оказывается более чем шаткой, так как противоречит надписи в нижней части его лицевой стороны, которая, в первую очередь, позиционирует крест как одну из важнейших монастырских святынь. Кроме того, по форме крест не находит аналогий среди белокаменных крестов Новгородской и Псковской земель. Более того, повторюсь, для появившихся на рубеже XV–XVI вв. на Северо-Западе Руси (в одно время с Савватиевым крестом) намогильных крестов с именами усопших обычны иные формулы. Видимо, эти расхождения с новгородско-псковской традицией показывают, что Савватиев крест был изготовлен непосредственно на Соловках, где традиции резьбы по белому камню ввиду отсутствия его месторождений на архипелаге были развиты слабо и, главное, отличались от таковых на материке. Это же обстоятельство отметил и В.А. Буров, предполагавший, что крест был изготовлен и привезен с материка, но не современен прп. Савватию²⁵.

²⁴ Артемьев А.Р. Города Псковской земли... С. 88.

²⁵ Буров В. Путешествие... С. 67–68.

Какие же иные свидетельства позволяют подкрепить предложенное мною чтение надписи? Прежде всего, это жития подвижников, основанных в конце XIV–XVI вв. обители на Русском Севере. Именно в них фиксируется устойчивая традиция установки «начальных» крестов на месте будущего монастыря, с которого, собственно, и начиналось монашеское делание.

Этот обычай, возможно, восходит к сказанию об апостоле Андрее Первозванном, который, дойдя до места будущего Киева, предрек, что «на сихъ горахъ восияетъ благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать». И крест, поставленный им на горе, стал знаком благословения этих мест²⁶. Судя по «Сказанию о построении града Ярославля», этому примеру последовал князь Ярослав Мудрый: на месте победы над медведицей он «водрузи на земли сей деревян крест и ту положи основу святому храму пророка Божия Илии... По сем христоролюбивый князь повеле народу рубити древеса и чистити место, идеже умысли и град соиздати»²⁷.

Достаточно подробно цели установления «начального креста» изложены в «Сказании о Валаамском монастыре». Придя на Валаам, прп. Ефрем Перекомский († 1492) с иноками «начало полагают, царское знамение Животворящий Крест водружают»²⁸. Говоря иначе, монашеское делание в обители начинается именно с установления «царского знамени» — креста, который является зримым свидетельством благословенности данного места и символизирует незримое присутствие здесь Христа. И уже следующий этап — обустройство обители — начинался со строительства церкви и организации хозяйства²⁹. С установки креста началось монашеское делание и в Кирилло-Белозерской обители: придя на берег Белоозера, прп. Кирилл и Ферапонт Белозерские «крестъ въздвзвнше на мѣстѣ и благодарный канонъ отпѣвше в похвалѣ Пречистыя Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мариа». И лишь после этого подвижники «первое стѣнь потекоша, начаши копати и кельи въ земли»³⁰. В Житии прп. Макария Желтоводского и Унженского († 1444) также

²⁶ Повесть временных лет. Подг. текста, пер., статьи и комм. Д.С.Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996. С. 9.

²⁷ Сказание о построении града Ярославля // Лебедев А., прот. Храмы Власьевского прихода в г. Ярославле. Ярославль, 1877. С. 8.

²⁸ Сказание о Валаамском монастыре // БЛДР. Том. 13. XVI век. СПб., 2005. С. 450.

²⁹ Там же.

³⁰ Житие и подвиги преподобного отца нашего Ферапонта // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. Изд. подг. Г.М. Прохоровым, Е.Г. Водолазкинским и Е.Э. Шевченко. СПб., 1994. С. 208; Житие Кирилла Белозерского: Текст и словоуказатель. Под ред. А.М. Герда. СПб., 2000. С. 30.

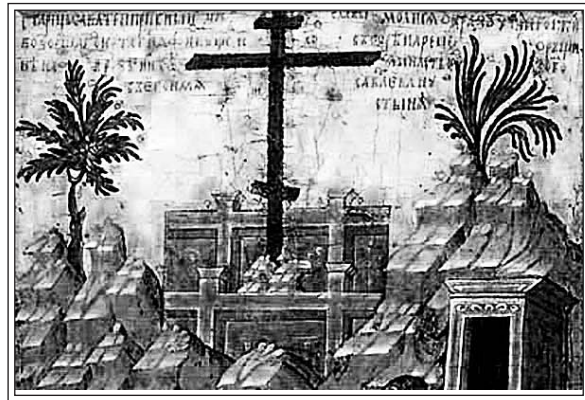

сообщается, как прп. Макарий сначала «водрузи Крест Господа нашего Иисуса Христа» — и лишь спустя некоторое время («помале») «ту келию возградив себе»³¹. Особенно подробно о поставлении креста и начале монашеского делания в обители сообщает Житие прп. Антония Сийского († 1557). Прийдя на место будущей обители, подвижник «крѣтъ водрузи на местѣ и рече къ дѣховной своей братїи: **воздадим, братїе, мѣтвы наша бѣгу, и помолимъ всевогътоу егѡ мѣтъ, да оуцѣдрит ны, рабѣ свойхъ, и сохранитъ ны на стѣм сѣмъ месте... и по сѣмъ поставиша себѣ хыжѡуцоу, тѣже и храм оустрѡбиша на собранїе молїтвенное**»³².

Приведем и другие свидетельства. При основании монастыря прп. Дмитрий Прилуцкій († 1392), как свидетельствует его Житие, «**блви мѣсто то и крѣтъ постави**»³³. Прп. Сергей Нуромский († 1412), найдя место для обители, «**постави крѣтъ на местѣ том и часовню, и малѣ келїецѣ**»³⁴. В Житии прп. Иакова Железоборовского († 1442) говорится о том, что подвижник также «воздвиге крест» при основании монастыря³⁵. «**Постави крѣтъ**» на месте будущего монастыря и прп. Кирилл Новоезерский († 1532)³⁶.

Иногда крестом замечали новое место, куда предполагалось перенести уже существующий монастырь. Так, прп. Адриан Монзенский, которому чудесные явления возвестили о месте, куда должна быть перемещена обитель, найдя его, отметил «крестом медяным в древе», говоря иначе, прибил крест к «велию древу»³⁷.

Нередко «начальный» крест изготавливался заранее, и основатель монастыря нес его на себе во время поисков места для будущей обители. Так, прп. Дионисий Глушицкий († 1437) «**оусмотрѣ мѣсто на мвруцѣ стройно и постави крѣтъ іако иже ношѣа съ собѡю**»³⁸. Так же поступил и прп. Григорий Пельшемский († 1441). Долго странствуя «**лѣсомъ и блаты**» в поисках места для обители, он наконец

Илл. 8. Крест прп. Савватия Тверского.

Деталь иконы «Прп. Савватий Тверской в молении у креста». Тверская школа иконописи. Икона вт. пол. XVI в. Собрание ЦМИАР

пришел на берег Пельшмы «**и возвелелъа дшѣю, на том же мѣсте и крѣтъ постави маж ношаше собѡю**»³⁹. «**Постави крестъ, иже ношаше с собѡю**» на месте, избранном для монастыря, и прп. Александр Куштский († 1589)⁴⁰.

Нередко об этой традиции, не отраженной в агиографических памятниках, свидетельствуют иконописные изображения. На иконе XVI в. из собрания ЦМИАР с изображением основателя Тверского Оршанского монастыря прп. Савватия Тверского († ок. 1434 г.) подвижник показан молящимся у деревянного креста (Илл. 7), по сторонам которого сделана надпись (Илл. 8):

**старець саватен прпѣнын молїса образъ чѣтнаго ї жи
вотворѣщаго крѣта гнѣ живѡще въ горѣ на реце оурици
нѣ на брезе ннѣ монастырь зово
въ егѡ имѣ саватѣва пѣ
стына**

Отметим, что мотив несения и установки «начального креста» во многих житиях понимался как агиотип буквального следования Христу подвижниками, «**иже Пресвятаго Дѣха силою крестъ на рамо вземше и многокозненнаго и прегрѣдаго змиа своими ногами посрамивше низложиша... и сего ради Царствїа Небеснаго сподобїшася**»⁴¹.

³¹ Житие Макария Желтоводского и Унженского // БЛДР. Т. 13. XVI в. СПб., 2005. С. 278.

³² Житие Антония Сийского: Текст и словоуказатель. Под ред. А.С. Герда. СПб., 2003. С. 54.

³³ Житие Дмитрия Прилуцкого // Жития Дмитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского: Тексты и словоуказатель. Под ред. А.С. Герда. СПб., 2006. С. 80.

³⁴ Житие Сергия Нуромского // Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского: Тексты и словоуказатель. Под ред. А.С. Герда. СПб., 2005. С. 150.

³⁵ ГОИАМЗ «Ипатьевский монастырь». КОК 24738. Л. 116.

³⁶ Житие Кирилла Новоезерского: Текст и словоуказатель. Под ред. А.С. Герда. СПб., 2003. С. 47.

³⁷ ГИМ ОР. Собрание А.С. Уварова. № 415. Л. 53 об., 62 об.

³⁸ Житие Дионисия Глушицкого. С. 102, 107 (Основная редакция), 144 (Минейная редакция), 179 (Сокращенная редакция), 187 (Краткая минейная редакция).

³⁹ Житие Григория Пельшемского. С. 158.

⁴⁰ Житие Александра Куштского // Святые подвижники и обители Русского Севера. Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев-Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели. Изд. подг. Г.М. Прохоров и С.А. Семячко. СПб., 2005. С. 247 (редакция А), 281 (Тулуповская редакция).

⁴¹ Житие и подвиги преподобного отца нашего игумена Кирилла // Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартинян Белозерские. С. 50, 52; см. также: Житие Антония Сийского. С. 54; Житие Григория Пельшемского. С. 157, 178; Житие Дмитрия Прилуцкого. С. 72, 74; Житие Дионисия Глушицкого. С. 143; Житие Кирилла Белозерского. С. 15; об агиотипе следования Христу см.: Руди Т.Р. Типика русских житий (Вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикация. Полемика. СПб., 2005. С. 69–73.

Илл. 9. Основание Соловецкого монастыря прп. Зосимой и Савватием Соловецкими. Икона XIX в.

Характерно, что «начальные кресты» в северных монастырях нередко становились предметами мемориализации. Так, рассказывая об установке креста прп. Дионисием Глушицким, составитель его Жития уточняет: «**ИЖЕ И ДОНІѢ В МАНАСТЫРѢ ЕГО СѢТЬ**»⁴². Крест прп. Кирилла Новоезерского († 1532) сохранился на берегу озера близ основанного им монастыря⁴³. Однако прямую параллель к Савватиеву кресту дает Житие прп. Павла Обнорского († 1429), в котором сообщается, что крест подвижника «**И ДОНІѢ ВЪ ОБИТЕЛИ СѢ... НА ГРОбѢ ЕГО ПОЛОЖЕНЪ**»⁴⁴. Подчеркнем, что речь в данном случае идет именно о начальном кресте.

Традиция установки «начальных крестов» нашла отражение в памятниках эпитафии и иконографии. Так, на оборотной стороне белокаменного креста, происходящего из Муезерской пустыни (Кемский уезд Архангелогородской губернии), имелась надпись⁴⁵:

ПОСТАВИЛЪ С
ИИ КРѢТЪ ПЕРВО
НАЧАЛЬНОЙ СѢТА
РЕЦЪ ГЕНАДІИ
ІС ХР
НИ КА

⁴² Житие Дионисия Глушицкого. С. 102.

⁴³ Житие Кирилла Новоезерского. С. 55, 85–86.

⁴⁴ Житие Павла Обнорского. С. 80.

⁴⁵ Овсяников О.В. Каменные кресты Архангельского Поморья // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В.Д. Белецкого. СПб., 1994. С. 176. Рис. 3, 2.

ЛѢТА 3111
АВГУСТА 11 ДЕН

Данный крест по времени является ближайшей эпитафической аналогией Савватиеву кресту.

Приведем, наконец, главный аргумент. В Соловецком монастыре сохранилась устойчивая традиция, нашедшая отражение в опубликованных в XIX в. преданиях, что «начальный» крест прп. Савватия, был деревянным⁴⁶. Данную традицию зафиксировали и миниатюры к Житию, и житийные иконы соловецких чудотворцев, в клеймах которых изображались и установка «начального» деревянного креста, и совершение молитв у него прп. Зосимой и Савватием (Илл. 9–11). Однако на миниатюрах и клеймах, изображающих погребение прп. Савватия и обретение его мощей, крест не изображается, что было бы в высшей степени сомнительно, если бы таковая реликвия, как «могильный» крест чудотворца, действительно находилась в монастыре у раки с его мощами.

Таким образом, все приведенные аргументы говорят в пользу того, что предложенное Д.М. Володихиным чтение надписи на Савватиевом кресте как «крест... могильной» является ошибочным и, более того, противоречит традициям, существовавшим в монастырях Русского Севера в целом и в Соловецком монастыре, в частности.

3. «Взысканием и потружением...»

Что же в таком случае означает надпись «**ВЗЫСКАНИЕМ И ПОТРУЖЕНИЕМ Ѡ ИГЪМЕНА МІИППА**» на оборотной стороне креста? Житие св. митрополита Филиппа⁴⁷ не сообщает о подробностях обретения святыни, что оставляет простор для различной трактовки данной формулы. В.А. Буров трактовал слово «взыскание» как «розыск» и полагал, что последний был связан с поисками свт. Филиппом могилы прп. Савватия⁴⁸. Но был ли смысл в подобном «взыскании»? В Житии соловецкого подвижника сообщается, что его честные останки, обретенные прп. Зосимой, были перевезены в Соловецкую обитель и «**СКОПАША ЗЕМЛЮ ДОВОЛЬНО, ПОЛОЖИША РАКЪ И МОЩИ ТѢЛО ПРЕПОДОБНАГО СВАТІА, И ПОКРОША И ЗЕМЛЮ... И ПОЛОЖИША ЗА ОЛТАРЕМЪ ПРЧНИСТЫА БОГОРОДИЦА ЧЕТНАА СѢ ОУСПЕНІА... И ВЪЗГРАДИ** (прп. Зосима. — А.А.) **ГРОБНИЦЪ НАДЪ ТѢЛОМЪ, И ПОСТАВИ СЪБРАЗЪ СВАТІАГО СПАСА И ПРЧНИСТЫА НА**

⁴⁶ История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 10.

⁴⁷ Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006.

⁴⁸ Буров В. Путешествие... С. 67.

поклоняиі приходяциимъ братїамъ, и свѣщѣ тѣ възпалити надъ гробомъ преподобнаго. И свѣща с братїемъ, еже и образъ изгробонити Саватїа»⁴⁹. Выделим главное. Место упокоения мощей прп. Савватия было хорошо известно — «гробница» за алтарем церкви Успения. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» дает только одно значение этого термина — «гробница», «склеп»⁵⁰. Это же значение дает и «Словарь древнерусского языка»⁵¹. Однако одно из приводимых в словарной статье словоупотреблений — «созда гробницу камени над гробомъ бабы своеи» — свидетельствует, что этим термином могли обозначать и особую палатку, сооруженную над захоронением. Об этом же значении говорит и контекст Жития прп. Зосимы Соловецкого. Вероятно, таким образом, что «гробница» прп. Савватия, устроенная прп. Зосимой, являлась небольшой палаткой, пристроенной к алтарю Успенской церкви, внутри которой на стене висели образы Христа и Богородицы. Это место сразу же сделалось местом почитания и паломничества. И в этом случае «взыскание», то есть «розыск», мощей прп. Савватия, якобы предпринятый свт. Филиппом, был лишен смысла.

Житие соловецких подвижников не сообщает, что прп. Зосима отметил крестом место упокоения мощей прп. Савватия, да эта практика на Руси, как уже говорилось выше, и не была распространена. В.А. Буров ссылается на монастырские описи, согласно которым крест находился в деревянной палатке при мощах прп. Зосимы и Савватия по крайней мере со второй четверти XVII в.⁵² Но его установка здесь могла произойти не ранее завершения строительства Спасо-Преображенского собора и перенесения мощей соловецких чудотворцев в придельный храм. Во всяком случае поиск и обретение креста прп. Савватия по времени совпадают с окончанием строительства новой Успенской церкви — а ведь именно в придельной палатке при ее деревянной предшественнице и покоились мощи соловецких чудотворцев. Может быть, крест прп. Савватия после обретения был установлен здесь — но не как надгробный памятник, а как мемориальная святыня? В качестве очень осторожной аналогии в данном случае можно привести сообщение Устюжского летописца, где под 7000/1492 г. говорится, что на месте обнаружения тела Прокопия Устюжского «поставлена часовня и образ

Илл. 10. Прп. Савватий Соловецкий в молении.
Клеймо житийной иконы XVI в.

Успение праведнаго и крест изваян из белова камени — распятие Господа нашего Иисуса Христа в вечное воспоминание и до днесь всеми зрим и поклоняем»⁵³. Подчеркну, что данный крест можно отнести к памятным поклонным крестам, а отнюдь не надгробным.

Что же касается слова «потружение», то В.А. Буров со ссылкой на одно из его значений, данное в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», — «труд», «старание», «результат труда», «произведение» — полагает, что «надпись недвусмысленно сообщает о том, что крест сделан Филиппом», «обозначил место погребения преподобного накануне переноса его мощей в Спасо-Преображенский собор», а потому «должен датироваться исключительно серединой 1550-х гг.»⁵⁴. Этот вывод исследователь подтверждает тем, что время обретения Савватиева креста совпадает с завершением строительства в Соловецком монастыре Успенской церкви с трапезной и кануном строительства Спасо-Преображенского собора⁵⁵. И здесь необходимо вспомнить, что по инициативе свт. Филиппа к последнему был пристроен придельный храм во имя прп. Зосимы и Савватия и что 8 августа 1566 г., уже после отъезда святителя на митрополию в Москву, в него были перенесены мощи соловецких чудотворцев.

Тем не менее вывод В.А. Бурува о датировке изготовления креста в середине 1550-х гг. может быть неоспоримым, если... брать за его основу только надпись на оборотной стороне креста. Палеографический анализ на лицевой стороне креста показал, что надпись на ней была сделана

⁴⁹ Минеева С.В. Рукописная традиция... С. 33 (Первоначальная редакция).

⁵⁰ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 137–138. s.v.

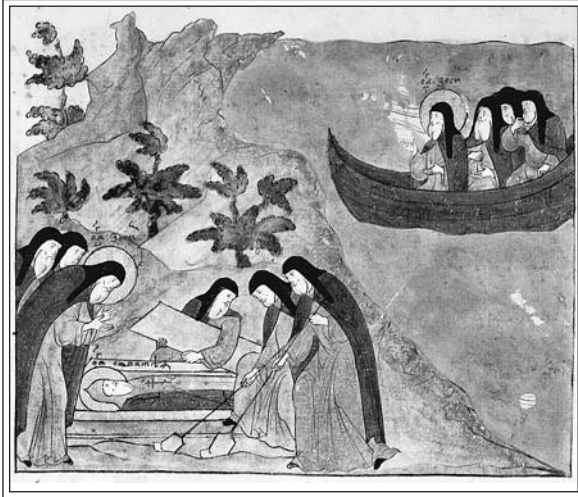
⁵¹ СлДрЯ. Т. II. М., 1988. С. 392–393. s.v.

⁵² Буров В. Путешествие... С. 68.

⁵³ Устюжский летописец // ПСРЛ. Т. 37. М., 1982. С. 108. Об этом кресте и надписи на нем см.: Святославский А.В., Тропин А.А. Крест в русской культуре. Очерк русской монументальной ставрографии. М., 2000. С. 146–147.

⁵⁴ Буров В. Путешествие... С. 67.

⁵⁵ Там же.

Илл. 11. Обретение мощей прп. Савватия Соловецкого.
Книжная миниатюра. Конец XVI в.
ОР ГИМ. Собрание И.А. Вахрамеева. № 71.

настыря в Новгороде Вениамин⁵⁶ обратил внимание на то, что после смерти основателя монастыря, прп. Антония Римлянина (1147 г.), молитвенный камень подвижника «лежаще... на берегу у реки Волхова, под монастырем, многа лета видим всеми, но небрегом». По распоряжению игумена памятный камень «водружен бысть в стену церковную извну, иже и ныне нами зрим есть. На нем же написан шаровными чинми сам преподобныи Антонии, имея пред собою воображену чюдную церковь Богоматере Пресвятыя Богородица»⁵⁷. Подчеркну, что точно так же красками был расписан и крест прп. Савватия.

Подведем итоги. Надпись на лицевой стороне креста не позволяет трактовать его как «келейный», а тем более — как «могильный». Оба прочтения являются результатом ошибочного восприятия надписи. «Начальный крест» был одной из важнейших реликвий Соловецкого монастыря и отмечал место, откуда брала начало обитель. Однако белокаменный крест — не современник иноческого подвига прп. Савватия и был изготовлен после 1465 г., вероятно, «в меру и подобие» подлинного деревянного креста, поставленного подвижником близ своей кельи. Надпись на оборотной стороне креста, напротив, вырезана в год обретения святыни; «взыскание» же и «потружение» свт. Филиппа связаны с поиском и обретением креста в Савватиевом скиту и переносом его в Соловецкий монастырь. Дальнейшая судьба креста, отраженная в монастырских описях, свидетельствует, что он был установлен в деревянной палатке с мощами соловецких подвижников. Но и в этом случае крест не превратился в надмогильный памятник. Напротив, его присутствие в этом месте создало особое пространство его почитания и подчеркнуло мемориальное значение святыни.

Список сокращений

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ГОИАМЗ — Государственный областной историко-архитектурный музей-заповедник (Кострома)
КОК — Костромская объединенная коллекция
ОР — Отдел рукописей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
САИ — Свод археологических источников
СлДрЯ XI–XV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XV вв.
СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв.
ЦМИАР — Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева (Москва)

раньше — в последней трети XV в., к каковому времени и следует отнести изготовление креста.

Из этого следует, что «взыскание и потружение» свт. Филиппа связаны отнюдь не с поисками могилы прп. Савватия и изготовлением белокаменного «келейного» креста, приписанного подвижнику, для обозначения места его захоронения. «Взыскание и потружение» связаны с поиском креста и его перенесением в Соловецкий монастырь. А это однозначно приводит нас к Савватиеву скиту — месту начала иноческих трудов подвижника. И в этом случае «потружение» необходимо понимать именно как результат предпринятого труда.

Хочется отметить, что в 50–60-е гг. XVI в. осуществлялась мемориализация реликвий, связанных с основателями русских монастырей. Так, в первой половине 50-х гг. этого столетия игумен Антониева Богородице-Рождественского мо-

Автор выражает сердечную благодарность Е. Маркелову, С. Севастьяновой, А. Лаушкину, Н. Замятиной и игумену Димитрию (Нетесину) за помощь в работе над статьей.

Авдеев Александр Григорьевич

Кандидат исторических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, учитель истории школы-интерната «Интеллектуал». Сфера научных интересов — эпиграфика.

⁵⁶ Настоятельствовавал в монастыре в 1551–1555 гг. См.: Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 58.

⁵⁷ Слово похвальное Антонию Римлянину // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Мерурий Смоленский / Подг. текстов и исслед. Н.В. Рамазановой. СПб., 2005. С. 298.